

В ПЕРВЫЕ я увидел Николая Алексеевича Заболоцкого и познакомился с ним в самом конце двадцатых годов — у Тихонова, на Зверинской улице. Это могло быть в 1928 или 29-м году, но не раньше, ибо я уже знал его стихотворение о форварде: слышал из уст Эдуарда Багрицкого. Он читал стихотворение восторженно, задыхающимся, астматическим голосом, — читал наизусть. Очевидно, прочел его в журнале «Звезда», где оно было напечатано в 1927 году.

Николай Алексеевич поражал с самого начала своим не «поэтическим» обликом: очень молодой, скромный, физически здоровый, коренастый и застенчивый, в очках, в аккуратной синей пиджачной паре, скорее всего он был похож на только что кончившего курс студента, работающего над дипломом.

По приглашению Николая Семеновича начал он читать стихи, которые впоследствии вошли в его первый сборник «Столбцы». Он никак не «подавал» их чтением. Никакой экспрессии! Но странное дело, экстравагантность образной структуры, неожиданность и смелость тем сильнее действовали на слушателя. И, например, такие строки:

Прямые лысые мужья

Сидят, как выстрел из ружья,—

сразу же вызвали дружный смех слушателей. Это повторялось неоднократно. Николай Алексеевич спокойно переживал реакцию и продолжал свое дело.

А дело было простое и правое — утверждение себя. Ясна была цельность поэтической и человеческой сути этого юноши, его самобытность.

Рядом со мной была моя жена, Зоя Бажанова, актриса театра Вахтангова. Внезапно она вспыхнула и сказала нечто, что могло, казалось бы, и смутить, и даже оскорбить поэта:

— Да это же капитан Лебядкин! — Я замер и ждал резкого отпора или неловкого молчания.

Но реакция Заболоцкого была неожиданна. Он добродушно усмехнулся, пристально посмотрел сквозь очки на Зою и, нимало не смутившись, сказал:

— Я тоже думал об этом. Но то, что я пишу, не пародия, это мое зрение. Больше того: это Петербург-Ленинград нашего поколения: Малая Невка, Обводный канал, пивные бары на Невском. Вот и все! Я хорошо помню:

Жил на свете таракан,

Таракан от детства.

Он попал в воды стакан,

Полный мухоедства...

Николай Тихонов похаживал и помалкивал. Он явно гордился Заболоцким и любовался им и впечатлением, которое он производит на новых гостей.

Заболоцкий читал много. Все это были стихи, вошедшие в скором времени в «Столбцы».

Книга эта вышла в 1929 году. Заболоцкий был так мил, что прислал ее мне. Читал я ее с интересом, близким к жгучему. Ощущение прорыва в область, никем еще не обжитую до Заболоцкого, главенствовало надо всем. Думаю, что то же самое испытывали очень многие, не только поэты.

Сейчас, когда прошло «столько зим и лет» после конца 20-х — начала 30-х годов, когда многое в общенародной и личной судьбе каждого из нас отшумело, отпылало и заросло травой забвения на дорогих нам могилах, — сейчас тогдашняя оценка и недооценка поэзии Заболоцкого стали явлением историческим. И это тем более важно, что путь самого поэта завершён и мы ощущаем органичность и прямошю его пути.

Развитие в искусстве никогда не идет по накатанным автострадам. Скорее уж надо говорить о ничем не предусмотренном росте дерева — не сосны или пальмы, а такого, которое ветвится в узловатых сучьях, изгибается, богато наростами и горбылями коры, меняется год от году, но продолжает расти, как все живое.

Так растет художник. Так рос и Николай Заболоцкий: и в диалектике своей философии, и в приемах мастерства. А стиль задан был ему с самого начала. Но и стиль изменялся, становился проще, если угодно — классичнее.

ЭТИ страницы не претендуют на оценку творческой эволюции Заболоцкого. Они посвящены воспоминаниям о человеке, который после Отечественной войны оказался духовно мне близким, скоро сделался и другом. Как это произошло, рассказать в подробностях трудно. Здесь были два узловых момента, две встречи в работе. И это определило многое. Одна из этих встреч произошла в 1948 году, когда мы совместно вели семинар на первом совещании молодых поэтов при ЦК ВЛКСМ. Участники его, наши «питомцы», были сплошь сильными поэтами военного поколения: Недогонов и Гудзенко, Луконин и Межиров, Дудин и Сергей Орлов, Нонешвили и Маргиани, Сильва Капутикян и Талет Эюбов. Конечно, чему-то мы «учили» их, но больше учились у них. Николай Алексеевич серьезно готовился к каждой встрече. Его выступления были заранее написаны и носили очень деловой характер. Он был критиком благожелательным, по-своему строгим, но не придирчивым. Он легко схватывал главное — не в молодом поэте, не в его личности, а в самих стихах, в их тексте, в смысловой нагрузке. Ум у него был и аналитический и в то же время склонный к обобщению чужого опыта (или неопы-

ности, все равно). Большинство наших слушателей плохо знали Заболоцкого-поэта; но к словам его прислушивались очень серьезно, ибо сразу чувствовали его заинтересованность в общем деле, его чуткость к слову, к языку, к метафоре. Он не был говорливым собеседником, не был диалогистом с налету. Порой он смахивал на педанта, но такое впечатление было ложным: подводил ровный тон его речи. За всем этим стояла ответственность мастера, выношенность взглядов на искусство слова.

Между тем обстановка семинара была шумной, говорливой, иногда и бранчливой. 9 мая 1945 года было недавним событием мирового значения, и это окрашивало атмосферу наших встреч, их непринужденность, зальность обращения друг с другом. На наш семинар приходили молодые из других групп. Все было непринужденно, Заболоцкий был моложе меня на целых семь лет, но в такой обстановке он казался самым старшим, наиболее умудренным в тайнах искусства. А я (по званию руководитель семинара) невольно пасовал перед ним, перед его отчужденным холодом. Говоря «отчужденность», я, может быть, и преувеличиваю задним числом. В ту пору мы невольно и естественно перешли на «ты». Но это несколько не уменьшило дистанции между двумя разными характерами.

А ДО СЕМИНАРА, в 1947 году, мы оба вошли в группу писателей, ехавших по командировке СП СССР в Грузию. Дело было весною. Группа состояла из Тихонова, Заболоцкого, Гольцева, Межирова и меня. Заболоцкий впервые тогда летел в самолете. В стихотворении «Воздушное пугешество» — первоначально выражено впечатление от полета:

В крылатом домике, высоко над землей,
Двумя ревушими моторами влекомый,
Я пролетал вчера дорогой незнакомой,
И облака, скользя, толпились

подо мной...

Дальше это впечатление еще усиливается:

библиотека воспоминаний

ОБОРВАЛ СЕБЯ НА ПОЛУСЛОВЕ...

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Я к музыке винтов прислушивался, я
Согласный хор винтов распределял
на части,

Я изучал их песнь, я понимал их страсти,
Я сам изнемогал от счастья бытия.

Право же, здесь очень явственно проступает, так и просится наружу, ищет выражения, адекватного пережитому, первое впечатление живого и страстного человека от того, что он высоко над землей и летит, черт возьми, благодаря великолепно устроенной и благоустроенной машине. И Заболоцкий действительно «изнемогал от счастья бытия» — это сказано в неистовом восторге. Человек высокой культуры, он не прочь от того, что критики по обычаю называют «реминисценцией», хотя, по чести сказать, я плохо разумею, что означает этот расхожий термин.

Казалось, из долин за нами гнался
кто-то,
Похитив свой наряд и перья у орла.
Быть может, это был неистовый Икар...

Да, да, эллинский миф не напрасно вспомнился поэту. Поэту дано право окружить современную реальность сказочным климатом многовековой давности — именно она, эта сказка, подтверждала его изнеможение «от счастья бытия», служила достойным аккомпанементом высокому одушевлению. Я сказал: «Дано право». В сущности, это сказано слабо, а то и неверно. Дело обстоит серьезнее, когда речь идет о поэзии. Вернее сказать, это долг, если не неизбежность. Поэт — катализатор сложных химических реакций. А она разлита в воздухе эпохи и одинаково совершается внутри и вовне поэта. Счастлив поэт, чьи антенны принимают эти ультракороткие волны!

Заболоцкий — прирожденный диалектик. Мир для него заново создается. Весна и осень одинаково созидательны, навсегда молоды и первоначальны. Это рабочие дни сотворения мира, без выходов, без статичности завершеного покоя.

ВЕСНОЙ 1953 года ему исполнилось пятьдесят лет. В маленькой квартире на Беговой улице собрались друзья Заболоцкого. Сын его, Никита, снимал нас. Екатерина Васильевна, добрая подруга поэта, была хозяйкой стола. Этот весенний вечер 1953 года в сущности был по-

следней встречей моей с Николаем Алексеевичем. Дальше дороги наши разошлись. Он был широко признан, успел побывать в Италии, привез оттуда великолепные стихи, много и плодотворно работал. Стихи его пятидесятых годов — вообще одни из лучших. В них сформировалось мировоззрение поэта, его историзм, глубина в постижении движущегося портрета, который включает в себя биографию изображенного героя или героини, не только их прошлое, но и будущее.

В 1958 году Николай Алексеевич безвременно скончался 55 лет, в расцвете творческих и душевных сил, на полдороге.

В 1972 году вышел двухтомник Николая Алексеевича, впервые наиболее полно собравший его литературное наследие. Это явление большой значимости в нашей современной культуре. Ему предстоит долгая жизнь. Заболоцкий, как все живые и как все живое, оборвал себя на полуслове.

Приложение к изданию «ИЗВЕСТИЯ»
г. МОСКВА
20 МАЯ 1973